

Игорь Евдокимов

ДОКТОР
ФАЛЬК
и дачные
убийства

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е15

Иллюстрация на переплете *Kateshi Kittano*

Карта на форзаце и внутренние иллюстрации *Александры Чу*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Amili / Shutterstock.com (<https://shutterstock.com/>) / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com
(<https://shutterstock.com/>) / FOTODOM

Евдокимов, Игорь Алексеевич.

Е15 Доктор Фальк и дачные убийства / Игорь Евдокимов. – Москва : Эксмо, 2025. – 352 с.

ISBN 978-5-04-220271-1

Доктор Василий Оттович Фальк – эстет, педант и скептик, расследованием убийств не интересовался никогда и летом рассчитывал на спокойный отдых в любимом «Зеленом луге», куда он каждый год приезжает из Петербурга.

Но практически сразу после его приезда в дачный поселок на побережье Финского залива доктора вызывают в дом к пожилой вдове: утром ее нашли мертвой... Незадолго до гибели она жаловалась Фальку, что по ночам в ее саду появляется серый монах – верный предвестник смерти.

Доктор в мрачные приметы не верит и понимает, что в поселке произошло убийство. И чем дальше Василий Оттович пытается держаться от расследования, тем сильнее втягивается в поиски преступника, ведь быстро выясняется, что причины желать зла покойной были почти у каждого жителя дачного поселка.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Евдокимов И.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-220271-1

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Василий Оттович Фальк – доктор, эстет, зануда.
Александр Петрович Сидоров – урядник, деревенский полицейский.

Вера Павловна Шевалдина – любительница сплетен и отравления жизни окружающим.

Ираида Дмитриевна Шевалдина – ее невестка, дама суровая, озабоченная поиском приличной партии для дочери.

Лидия Николаевна Шевалдина – дочь Ираиды Дмитриевны.

Клотильда Генриховна – экономка Фалька.

Екатерина Юрьевна Красильникова – жена присяжного поверенного.

Петр Геннадьевич Платонов – инженер, велосипедист.

Эдуард Силизмундович Шиманский – поляк, дачный Казанова.

Федор Романович Вансовский – коммерсант, желает открыть в Зеленом луге пансион.

Харитон Карпович Мельников – его компаньон.

Павел Сергеевич Неверов – товарищ прокурора в отставке.

Евгений Маркович Шевцов – редактор «Зеленолужского вестника» (по зову души и от скуки).

Евлампий Аристархович Кунин – председатель общества благоустройства.

Игорь Евдокимов

Анжелика Ивановна Любимцева — ипохондрическая блондинка.

Фома Михайлович Аксенов — бывший станционный смотритель.

Виктор Львович Козлов — хозяин гостиницы в Зеленом луге.

Аркадий Гаврилович — распорядитель курзала. Его фамилию никто не помнит.

Харон Семенович и Аида Семеновна Беляковы — гробовщики с нездоровым энтузиазмом к своей работе.

Мария Прохоровна — супруга Сидорова.

Людмила Владимировна — супруга Неверова.

Владимир Николаевич — заглянул ненадолго.

Слушатель Императорской академии художеств (безымянный) — возможно, надежда отечественной живописи.

Дачники, мазурики, официанты, крестьяне, букинисты и прочие обитатели Зеленого луга и Петербурга — тоже есть.

IN MEDIAS RES¹

Настойчивый стук повторился.

— Нет, ну это просто надругательство какое-то! — проворчал доктор Василий Оттович Фальк, со щелчком захлопывая крышку карманных часов.

Он выбрался из-под одеяла. Его тут же пробрала дрожь от утренней прохлады — какими бы теплыми ни были майские дни, ночами округа все же выстывала. В рассветный час холод проникал даже в ладный и хорошо отапливаемый дачный дом Фалька. Василий Оттович спрятал ноги в огромные мохнатые тапочки, накинул теплый халат поверх пижамы и, не обращая внимания на сущий ужас, творящийся с прической, отправился открывать переднюю дверь.

Вообще-то за встречу назойливых визитеров (и выпроваживание их заодно) должна была бы отвечать его экономка, Клотильда Генриховна, но Фальк считал, что даже самые назойливые посетители не заслуживают столкнуться с нею ранним утром. К тому же Василий Оттович все-таки был врачом,

¹ С лат. — «в середине дела», «в разгар событий».

а потому допускал, что даже в таком идиллическом месте, как дачная деревенька Зеленый луг, кому-то могла потребоваться его помощь даже в такой час.

На крыльце, смущенно переминаясь с ноги на ногу, застыл местный урядник, Александр Петрович Сидоров. Увидев появившегося в дверях Фалька, он обрадованно затараторил:

— Василий Отгович, простите великодушно, но вам нужно пройти со мной.

— Кому-то плохо? — мрачно осведомился Фальк.

— Нет, я...

— Кто-то умирает?

— Нет, но...

— Тогда обратите внимание! — Доктор вновь раскрыл свой брегет¹ и сунул его под нос служащему полиции. — Пять! Пять утра, Александр Петрович! Вот, смотрите: когда эта короткая стрелка — хорошо видите, не так ли? — когда эта короткая стрелка будет показывать десять часов, или того лучше — одиннадцать, приходите, буду вас ждать. А сейчас — прошу меня извинить!

Фальк захлопнул дверь и вознамерился вернуться в теплую постель, но настырный стук не дал ему сде-

¹ Старинные карманные часы с боем, отличавшиеся большой точностью и показывавшие числа месяца. По фамилии часового мастера А. Л. Бреге (1747–1823). По аналогии с современным ксероксом к началу XX века стали именем нарицательным, обозначающим все карманные часы.

лать и шагу. С мрачной миной доктор вновь распахнул дверь.

— Василий Оттович, кто-то уже умер, — не дав ему разразиться очередной тирадой, выпалил урядник. — Нужна ваша помощь.

— Поверьте, если кто-то уже умер, то моя помощь ему не нужна, — проворчал доктор, но дверь все же не закрыл.

— Генеральша Шевалдина скончалась, — сказал Сидоров. — И обстоятельства смерти вызывают у меня некоторые вопросы. Нужно ваше заключение.

— Шевалдина? — пораженно переспросил Фальк. — Позвольте, она же совсем недавно была у меня в гостях!

— Неужели? — заинтересовался урядник. — Жаловалась на здоровье?

— Не столько на здоровье, сколько на серого монаха...

— На кого?! — воскликнул Сидоров.

— Ох, Александр Петрович, заходите, — Фальк отстранился от двери, приглашая урядника в дом. — Я сейчас оденусь, и пойдем. По дороге расскажу, что мне известно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Позвольте, почтенный незнакомец, выразить вам то неподдельное изумление, в которое вы повергаете всех нас своими поступками.

И. С. Тургенев, 1860 год

Как известно всем жителям столицы, как коренным, так и приехавшим в поисках лучшей доли, всяк уважающий себя петербуржец на лето должен переехать на дачу. И даже если дела заставляют тебя остаться в городе, как минимум семью на природу ты вывезти обязан! Еще в марте-апреле самые прозорливые дачники (из тех, что не имеют возможности содержать собственный дом) начинают подыскивать себе удобные варианты на лето. Страсть, сколько мелочей нужно учесть. Желательно бы у моря. И чтобы от Петербурга недалеко. И станция чугунки под боком. И цивилизованные развлечения обязаны быть (а то в глуши недолго с тоски околеть). И соседей бы попредставительнее — дочки на выданье сами себя не пристроят. В общем — сущий кошмар!

Дачная деревушка Зеленый луг, затерявшаяся на берегу Финского залива, в число наихеланнейших направлений не входила. По мнению отдыхающих,

близость Петербурга неблагоприятно сказывалась на здешнем воздухе — любителей цивилизации более привлекал знаменитый Сестрорецк. Многие также отправлялись в Великое Княжество Финляндское, в Терийоки, например (хотя и этот поселок, поговаривают, испортился за последние несколько лет), или дальше, за Выборг.

Таким образом, Зеленый луг вполне успешно избегал того дачного сумасшествия, что начиналось весной. Нет, гости, безусловно, прибывали, и в больших количествах, но вели себя на удивление чинно и прилично. Некоторые семьи наезжали несколько лет подряд, а потому образовали уже особую отпускную касту вопреки неписаным правилам, которые гласили, что всесословная дачная дружба, не признающая чинов и статусов, заканчивается по возвращении в Петербург. Идиллия, правда, объяснялась довольно легко: общество «зелененьких» изначально оказалось довольно монолитным. Сюда на лето выбирались профессора, врачи, адвокаты и чиновники не первого, но и никак не последнего разряда. А значит, продолжать общение в осенне-зимние столичные деньки считалось незачем.

Однако на дачу еще нужно добраться! И в этот воскресный майский день 1908 года задачка представлялась не из простых. Сотни людей самоотверженно штурмовали угловатое здание песочного цвета — Финляндский вокзал. Всеобщая толчея, гомон и накал страстей вызывали в памяти (не к ночи будь помянут) революционный 1905-й.

К самому несчастному и бесправному контингенту относились «дачные мужья» — страдальцы, перевозящие за город свои семейства, а сами вынужденные возвращаться обратно в Петербург. Для них адские муки пригородных поездов стали еженедельными. Каждое воскресенье они ехали в столицу, снаряженные длинным списком заказов от жены, детей, часто — тещи и тестя, иногда — друзей и соседей. Каждую пятницу, согбенные под весом перевозимых вещей, словно раки-отшельники, несущие свои дома, эти несчастные существа вновь ввинчивались в привокзальную толчею и тщетно пытались найти свободное место в поезде для себя и своего скарба.

Не таков был Василий Оттович Фальк, из тех Фальков, что держали врачебную практику и аптеку на Васильевском острове. Облаченный в легкий светлый костюм щеголь лениво лавировал между дачными страстотерпцами, отягощенный одной-единственной легкой дорожной сумкой. Все необходимые для пригородного прозябания вещи были отправлены заранее на двух ломовых извозчиках под присмотром экономки Клотильды Генриховны. К тому же жил Василий Оттович бобылем (хотя за использование подобного просторечия в его присутствии доктор одарил бы вас презрительным взглядом), женой и детьми не обзавелся, а значит, и от семейных капризов был избавлен.

Неженатый статус уже довольно солидного господина тридцати четырех лет не имел никакого от-

ношения к внешности. Наоборот, дамы из окружающей толпы нет-нет да провожали Василия Оттовича оценивающими взглядами. И кто бы их осудил? Костюм на высоком и стройном докторе сидел изумительно, блестящие от бриллиантина волосы безукоризненно зачесаны на пробор, а правильную форму усов можно было использовать в качестве пособия по геометрии. Словом, Василий Оттович был восхитительно хорош собою!

Но стоило дамам познакомиться с доктором Фальком поближе, как им открывалась его страшная тайна. Ибо Василий Оттович, даже по меркам представителей своей профессии, людей зачастую желчных и циничных, слыл совершеннейшим занудой и педантом.

— Васенька, а поедемте на вечернюю прогулку? — предлагает ему очередная пассия.

«Но какая же тут вечерняя прогулка? Ровно в восемь часов вечера необходимо поужинать. Ровно в половину девятого — встать из-за стола. С девяти до десяти выкурить сигару и выпить бокальчик коньяку в кабинете. В половину одиннадцатого — отойти ко сну, чтобы встать ровно в шесть тридцать утра. Все расписано буквально по минутам, а вы тут со своей вечерней прогулкой!»

— Васенька, а давайте сходим на концерт? — зовет его новая воздушная барышня, пришедшая на смену позорно сбежавшей предыдущей.

«Конечно же сходим, душа моя! Но не сегодня. Для концерта выделено время в воскресенье. И слушать будем орган. В кирхе».

Тут, правда, стоит встать на защиту Василия Оттовича: музыку он, безусловно, любил, особенно ценил оперу. Описанный выше каприз следует считать попыткой аккуратно подвести излишне надоедливую молодую особу к самостоятельному разрыву с доктором. Довольно успешной попыткой, стоит отметить. Словом, Василий Оттович знал о своей репутации, не стремился ее изменить, а временами даже откровенно ею пользовался.

К тому же строгий режим дня несколько сдвигался летом, когда доктор Фальк перебирался на дачу. Отпуском данное путешествие могло считаться лишь отчасти — по сути, Василий Оттович просто менял столичную практику на пригородную. Учитывая обитателей Зеленого луга, ни сословный состав пациентов, ни расценки самого врача сильно не менялись. Хотя в порывах благотворительности окрестных крестьян Фальк также принимал каждый второй и четвертый вторник. Безвозмездно, то есть даром.

В означенный день Василий Оттович отправился на Адмиралтейскую сторону, забрал из колониальной лавки давно заказанную коробку сигар, а затем погрузился на шустрый пароходик-«финляндчик»¹ и доплыл до Финляндского вокзала в самом что ни на есть благодушном и отпускном расположении духа. Весна стояла теплая, солнечные блики озорно

¹ В начале XX века маленькие парходы, принадлежащие финляндским судовладельцам, выполняли речные перевозки в Петербурге и выступали своеобразным видом общественного транспорта.

играли на Невских волнах, а ветерок с залива безуспешно пытался растрепать тщательно зачесанные волосы. Удалось освободить из плена бриллиантина лишь одну прядь, которая лишь придала его образу очарования.

Утренний воскресный поезд также был выбран неслучайно. Желающих на него попасть оказывалось куда меньше, чем в пятницу, а основной поток людей он повезет уже обратно, с дач. Поэтому Василий Оттович быстро нашел купе первого класса (в столицу он возвращаться ближайšie пару недель не планировал и позволил себе небольшое мотовство) с наиболее солидно выглядящим попутчиком. Они кивнули друг другу и скрылись за газетными страницами. Сосед читал «Новое время», Фальк — «Медицинское обозрение».

Доидя до новости о разоблачении целителя-шарлатана, прибившегося к Апраксину двору, Василий Оттович не стерпел — природная выдержка изменила доктору, и он издал саркастический смешок, за который ему тут же стало стыдно. Оставалось лишь надеяться, что сосед не заметил неуместного проявления эмоций.

Надежды оказались тщетны. Со стороны попутчика раздалось характерное шуршание, свидетельствующее о том, что мужчина дал сложиться газете и сейчас внимательно смотрел на доктора. Фальк высунулся из-за «Медицинского обозрения» — и действительно наткнулся на изучающий взгляд соседа.